

Великий Глинка

К 100-летию
со дня смерти

Гордость и национальная слава русского народа, основоположник великой русской музыкальной классики, Михаил Иванович Глинка стал незакатным солнцем нашей музыки так же, как в литературе Александр Сергеевич Пушкин. Еще в те далекие времена, откликаясь на смерть композитора И. Панаева в мартовской книге «Современника» писал: «...Имя Глинки проникло в самые глухие и отдаленные углы России, вместе с его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками...»

Минувшее столетие принесло неувядающую славу музыке Глинки. Она звучит и живет в музыкальных театрах, на концертных эстрадах, в широких кругах музыкальной самодеятельности, в быту. Бессмертные творения великого композитора учат и воспитывают поколение за поколением музыкальной молодежи: его мудрые эстетические принципы, оплодотворившие творчество всех русских композиторов, воздействуют на музыку наших современников.

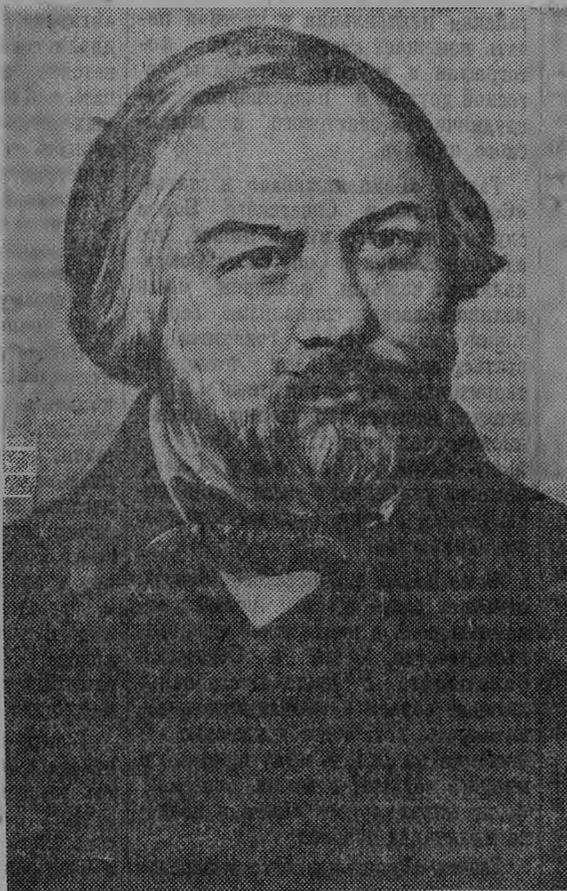
В одной из бесед с А. Н. Серовым Глинка подчеркнул силу критерия народности, значение народных истоков в творчестве, сказав: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это пронзительное высказывание Глинки также крепко вошло в нашу эстетическую науку.

Глинка часто повторяет мысль о том, что содержание и форма в искусстве неразделимы. «Красота музыкальной мысли вызывает красоту оркестра», — указывает он в своих «Заметках об инструментровке».

В письме к В. Н. Кашперову он отмечает: «...Все искусства, а следовательно и музыка требуют: 1) Чувства — это получается от вдохновения свыше. 2) Формы. Форма значит красота, т. е. соразмерность частей для составления стройного целого. Чувство зиждет — дает основную идею; форма облекает идею в приличную подходящую ризу... Чувство и форма это — душа и тело. Первое дар Вышней благодати, второе приобретается трудом, — причем опытный и умный руководитель — человек вовсе не лишней».

Высказывая такие мысли, Глинка раскрывал существо своего творческого метода — неустанное стремление к совершенствованию формы своих произведений, выражающих очень глубокие чувства: то пламенно патриотические, то трогательно-лирические или скорбные, то сосредоточенно-эпические, радостные и патетико-величественные.

Разве можно забыть, раз услышав, ликующе-торжественный гимн «Славься», величественно-патриотическую предсмертную арию Сусанина «Чую правду», сосредоточенно-философскую арию Руслана «О поле, поле», бесшабашно-разгульную песню Ильиничны «Ходит ветер у ворот», щемяще-скорбный романс «Уймисьте, волнения страсти», драматически-живописную песню «Ночной смотр», вдохновенно-лирическое претворение в поэтической музыке пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье», кипучую радость стреми-

тельной увертюры к опере «Руслан и Людмила»!

И в крупных своих произведениях, и в миниатюрах композитор выявляет себя замечательным музыкальным драматургом, поэтому так необычайно свободна и в то же время художественно убеждающая форма этих произведений. Искренность и непосредственность эмоций, которые Глинка выражал в своем творчестве, очевидны и захватывающие.

Но вместе с тем творчество Глинки содержит в себе и многогранное объективное содержание, идущее от широкого кругозора композитора, его общественных устремлений, отвечавших патриотическим идеалам передового русского общества начала XIX столетия. Этот широкий объективизм музыки Глинки, несомненно, имел в своей основе глубокую связь с русской народной песенностью. И эта родная песенность у него была «в крови», он сочинял русские мелодии так, что порою их трудно было отличить от подлинно народных.

Глинка не замыкался только в интонационной сфере русской национальной мелодики; глубокой заинтересованностью в музыкальной культуре других народов и поразительно чутким претворением в своей музыке характера и духа иностранных мелодий он оставил последующим русским композиторам великий завет интернациональных связей и дружбы с другими народами.

Фантазия на две русские темы «Камаринская», положившая основы принципам русского симфонизма, оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» явились вершинами не только всего творчества композитора, но и сверкающими образцами мировой музыкальной классики. В них полностью выявились неистощимость гениальной композиторской фантазии Глинки, смелость его творческого мышления, нашедшая впоследствии отклик в держащем де-

визе композиторов-кучкистов «К новым берегам!», глубочайшая идейность его замыслов, верность служению народу, чувство ответственности перед ним. Каждое новое соприкосновение с этими великими произведениями приносит чувство радости и глубокого эстетического наслаждения их неувядающей свежестью, совершенным мастерством, заново раскрывающимися «непознанными красотою».

В какие дали смогла дойти эстетическо-общественные устремления Глинки и как они отзывались в сердцах наших современников, это хорошо выразил Б. В. Асафьев в строках, написанных в 1942 году в осажденном Ленинграде: «За сказочной канвой в «Руслане» (и на пиру, и в беседе его с мудрым северным стариком Финном, и в особенностях на поле сечи) «поют» мысли и чувства, родные нам по сказаниям об Александре Невском, Дмитрии Донском, Пожарском и Кутузове и более близким к нам героям, мужественным и стойким защитникам Советской земли, покрывшим себя неувядаемой в веках славой».

Музыка столь высокого полета не могла нравиться чиновничье-крепостническому обществу самодержавного царизма. Сам Глинка потешался над тем, что его музыку называли «кучерской». Однако, находясь в антагонизме с этим обществом и не всегда воочию видя перед собой слушателя, к которому он обращался своей музыкой, композитор мучительно страдал, часто метался в глубоком неудовлетворении, и эти муки на много лет сократили его жизнь. Но и при жизни композитора было немало восхищенных поклонников его музыки.

В последующих поколениях количество друзей музыки Глинки все увеличивалось и любовь к ней становилась все пламенней.

П. И. Чайковский писал П. И. Юргенсону: «Аз принадлежу и есть порождение Глинки».

Н. А. Римский-Корсаков, вспоминая о своей работе по редактированию оперных партитур Глинки, восклицает: «Пределов не было моему восхищению и поклонению этому гениальному человеку». М. П. Мусоргский в своих письмах называет Глинку «великим учителем», создателем «великой школы русской музыки».

Какой радостью наполнялись письма русских музыкантов, когда им удавалось хорошо показать музыке Глинки или услышать вдохновенное исполнение ее! И как негодовали они на тех, кто пытался снизить значение и историческую роль этой музыки.

В наше время пленяющая, вечно живая музыка Глинки получила всенародное признание. Рожденная горячим, взволнованным сердцем и светлым большим умом простого, отзывчивого русского человека и в то же время исполина-художника, эта музыка звучит в сердцах миллионов.

Все народы Советского Союза и люди многих других стран с любовью произносят имя великого Глинки.

Мариан КОВАЛЬ.